АЛИНА ВЕЛЬСКАЯ



РАЗВОД. К ТВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЕ

Я ПРИЕХАЛА ПО ВЫЗОВУ!

Алина Вельская

Развод. К твоей любовнице я приехала по вызову!

«Автор»
2026

Вельская А.

Развод. К твоей любовнице я приехала по вызову! /
А. Вельская — «Автор», 2026

Я приехала на обычный вызов скорой помощи.Молодая женщина задыхалась в номере загородного отеля. Я спасала ей жизнь, не подозревая, что через несколько минут моя собственная рухнет.Потому что в дверях появился мой муж.А женщина на кровати оказалась его любовницей.Девятнадцать лет брака. Предательство. И предложение развестись «по-хорошему» — так, чтобы ему досталось всё, включая медицинский центр, который мы открывали на мои деньги.Он уверен, что я не стану бороться.Зря.Я умею спасать чужие жизни. Теперь пора спасать свою.А ещё рядом неожиданно появляется мужчина, который не пытается решать за меня. И впервые за много лет мне хочется не просто выжить после предательства, а снова полюбить.

© Вельская А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кому нужна скорая 6
Глава 2. Три минуты тишины 12
Глава 3. Деловое предложение мужу 17
Глава 4. Квартира, которой больше нет 22
Глава 5. Чужой хирург 26
Глава 6. Не всё делится пополам 30
Глава 7. Миллион двести за девятнадцать лет 34
Глава 8. Спасибо не за меня 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Алина Вельская
Развод. К твоей любовнице я приехала по вызову!

АЛИНА ВЕЛЬСКАЯ
Развод. К твоей любовнице я приехала по вызову!
Роман

Глава 1. Кому нужна скорая

— Я дома купила кресло, — сказала Ирина. — Чтобы отдыхать. Теперь на нём отдыхает бельё.

Я прижала коленом сумку, которую подбрасывало на поворотах.

— Поставь рядом таз. Будет семейная пара.

— Не надо. В моей квартире хотя бы у мебели должна быть личная жизнь.

На часах было двадцать минут второго. Мы возвращались с вызова в посёлок, и до города оставался тёмный участок дороги: мокрые сосны, отбойник, редкие фары навстречу. Я успела подумать о чае. Ирина уже достала из кармана сухарь в целлофане, но съесть не успела.

Диспетчер передал новый адрес.

Женщина. Двадцать девять лет. Затруднение дыхания, отёк. Загородный отель «Тихий бор».

Ирина убрала сухарь. Я уточнила данные вызова и посмотрела на маршрут. Отель был ближе к нам, чем город.

Водитель включил маяки.

— Встретят у главного въезда, — сказала я.

Машина развернулась на ближайшем разрешённом участке. Я застегнула куртку до горла, проверила, где лежали перчатки. Хотелось, чтобы женщина ещё могла говорить, когда мы до неё доберёмся.

У ворот нас ждал мужчина с фонарём. Он бежал перед машиной к боковому входу, придерживая рукой связку ключей. Дверь отеля распахнули раньше, чем мы подошли.

— Второй этаж, лифт здесь. Она сама позвонила, потом нам на стойку… — Девушка-администратор нажала кнопку несколько раз. — Говорила, что горло. Я спрашивала, подавилась ли она, а она…

— В сознании?

— Да. Когда я выходила — да.

— Ведите.

В номере горели все лампы.

Женщина лежала поперёк незаправленной кровати, высоко подложив под плечи подушки. Одна нога в тонком носке свесилась на пол. Она пыталась вдохнуть и смотрела прямо на дверь. По шее и открытым рукам расползались красные пятна, губы отекли. Увидев нас, она потянулась вперёд, но рука опустилась на покрывало.

— Скорая. Я врач. Вы меня слышите?

Она кивнула.

Я присела рядом, взяла её за запястье. Кожа была холодной, пульс частым и слабым. На вопрос об имени она ответила хриплым обрывком.

— Не говорите пока.

Ирина поставила укладку так, чтобы мы обе могли до неё дотянуться. Мы работали вместе достаточно долго, и ей не требовалось объяснять, почему я уже доставала препарат.

— Адреналин. Кислород, давление, монитор.

Администратор застыла у изножья с бутылкой воды.

— Я ей принесла. Она просила пить.

— Сейчас не давайте. Освободите, пожалуйста, проход. Здесь кто-нибудь ещё был?

— Мужчина. Она сказала, что он вышел. Охранник ищет.

— Принесите её документы, если знаете где. И узнайте, когда началось.

Девушка поставила бутылку на пол, спохватилась, подхватила её обратно и вышла.

Я сделала инъекцию в бедро. Кира — имя всё-таки удалось разобрать — дёрнулась, вцепилась в моё предплечье. Короткие ногти продавили рукав.

— Мы рядом. Помогаем вам.

Ирина назвала давление. Низкое. Я оценила дыхание ещё раз. Отёк, сыпь, нарушение дыхания, слабость — ждать, пока выяснится содержимое ужина, было некогда.

Мы подали кислород. Ирина занялась венозным доступом, я продолжала следить за Кирой. Пришлось помочь ей устроиться так, чтобы она могла дышать и не пыталась подниматься. Она всё время искала глазами моё лицо.

— Смотрите на меня. Да. Хорошо.

Она испугалась не укола. Это было видно по тому, как она ловила воздух открытым ртом и снова хватала меня за рукав. Я накрыла её пальцы своей ладонью, освободила руку, не отталкивая.

Ирина закрепила катетер, подключила раствор. Зашуршала упаковка, щёлкнул зажим. Я слышала знакомые звуки и проверяла каждый следующий шаг. Восемнадцать лет на скорой не научили меня спокойно смотреть на человека, которому не хватало воздуха. Зато научили не тратить на собственный страх его время.

Администратор вернулась с маленькой сумкой.

— Паспорт здесь. Ей стало плохо после ужина. Она сама сказала по телефону: после ужина. Это уже в номере было, не в ресторане.

— Когда она звонила вам?

Девушка посмотрела в свой телефон и назвала время. Я попросила её записать его на листке и оставить нам. Потом показала на дверь:

— Подготовьте лифт и проход до машины. Мы будем перевозить на носилках.

— Её в больницу?

— Да.

— А вещи собрать?

— Документы, телефон, верхнюю одежду. Остальное успеете.

Она кивнула с таким облегчением, словно собрать три вещи было самым понятным делом в этой комнате.

Кира зажмурилась. Слёзы потекли к вискам, и я осторожно промокнула их салфеткой: она пыталась вытереть лицо рукой с катетером.

— Аллергия раньше была?

Она кивнула.

— На что?

Пришлось приблизиться, чтобы услышать ответ.

— Орехи.

— Сегодня ели?

Едва заметное движение головы: не знала.

— Блюдо какое?

— Рыба… соус…

— Поняла. Сейчас больше не надо говорить.

На столике у окна стояли тарелки под серебристыми крышками. На одной осталась половина порции, рядом лежала салфетка с пятном соуса. Я не стала поднимать крышки и искать виновника. Для этого существовало другое время, когда человек уже мог дышать.

Ирина сообщила новые показатели. Мы переглянулись. Улучшение было, но оно ещё ничего нам не гарантировало.

— Повторно контролируем, — сказала я.

Кира ослабила хватку. Теперь она могла сделать более глубокий вдох, хотя дыхание оставалось тяжёлым. Я задавала короткие вопросы, оставляя между ними паузы. Что принимала сегодня. Были ли раньше такие реакции. Были ли лекарства с собой.

Ответы получались неровными. Она злилась, когда не могла выговорить слово, морщила лоб, пыталась стянуть кислородную маску.

— Не снимайте.

Я поправила резинку. Кира посмотрела на мою грудь, потом выше. Я проследила за её взглядом и поняла, что она читала фамилию на бейдже.

Это случалось. Люди искали знакомую фамилию, звание, хоть что-нибудь, за что можно было уцепиться.

— Елена, — сказала я. — Меня зовут Елена. Напарница — Ирина. Мы с вами поедем в стационар.

Кира продолжала смотреть.

— Миронова?

— Да.

Она моргнула. На секунду у неё изменилось лицо — настолько отчётливо, что я снова проверила её состояние. Но дело было не в дыхании.

— Я вас…

— Потом. Сейчас берегите силы.

В номере стало жарко. На мне были куртка, рабочая одежда, перчатки; под воротником полз пот. Я расстегнула молнию, не отрываясь от Киры.

На низком столике возле кресла лежал раскрытый паспорт. Администратор оставила его поверх сумки. Соколова Кира. Двадцать девять лет. Я записала необходимые данные.

В памяти шевельнулось что-то неясное. Соколова. Обычная фамилия. Я не стала за неё цепляться.

— Лучше? — спросила Ирина.

Кира кивнула и вдруг сжала губы, словно сдерживала совсем другой ответ.

— Это хорошо, — сказала я. — Но оставаться здесь нельзя. Нужны наблюдение и лечение в больнице.

— Я поеду.

Теперь прозвучали оба слова. Хрипло, с усилием, но целиком.

— Хорошо.

Я начала готовить её к переноске. Ирина ещё раз проверила крепления, линию, показатели. Администратор заглянула в дверь и молча показала пакет с курткой и ботинками. Я кивнула: пусть оставит у входа.

Кира подалась ко мне.

— Елена.

— Слушаю.

— Вы меня не узнали?

Я посмотрела на неё внимательнее. Отёк изменил лицо, но даже без него я вряд ли вспомнила бы эту женщину. Возможно, видела на каком-нибудь вызове. Или среди знакомых Павла на вечере в центре. Там всегда было много людей, которые легко запоминали меня: жена директора, врач, приходит редко, уходит рано.

— Сейчас это неважно.

— Я знаю, кто вы.

— Тогда вы знаете, что я врач. Давайте пока на этом остановимся.

Она отвела глаза. Смотрела теперь на дверь за моей спиной.

Я услышала мужской голос в коридоре:

— Я понял. Дальше я сам.

Две короткие фразы. Я знала этот голос и по утрам, когда он спрашивал, где чистая рубашка, и по телефонным звонкам, когда у меня выдавалась минута между вызовами.

Я обернулась.

Павел стоял в дверях.

В светло-серой рубашке навыпуск, тёмных брюках и белых гостиничных тапочках. Один тапочек был мокрым у носка. За его плечом остановился охранник, тот самый, который встретил нашу машину.

Павел сначала посмотрел на кровать. Потом на меня.

— Лена?

Я не ответила. Мне пришлось повернуться к Кире: она пошевелилась, и трубка натянулась.

— Лежите спокойно, пожалуйста.

Я поправила линию. Снова посмотрела на дверь.

Дома, собираясь на смену, я спросила у Павла, когда он вернётся. Он сказал: поздно, встреча с поставщиками, возможно, останется за городом. Я попросила не забыть зарядку. Он вернулся от лифта и взял её с кухонного стола.

Теперь я увидела зарядку в розетке возле кресла.

Белый провод с потемневшим сгибом, который он всё собирался заменить.

— Лена, я объясню, — сказал Павел.

Ирина перестала двигаться на одну секунду. Только на одну. Потом закрепила край одеяла и попросила меня проверить, не пережата ли трубка.

Я проверила.

За Павлом всё ещё стоял охранник. В дверях появилась администратор с пакетом.

— Пожалуйста, подождите снаружи, — сказала я сотрудникам отеля. — Мы позовём.

Павел шагнул внутрь. Дверь прикрылась, и в комнате стало слышно, как работает аппарат.

Я поднялась, чтобы забрать документы. У тумбы возле входа лежали мужские часы на коричневом ремешке. Я сама отнесла их в ремонт в июле: Павлу всё было некогда. Рядом лежало его обручальное кольцо.

Не на цепочке. Не в кармане. Аккуратно, возле часов, чтобы утром надеть и то и другое.

Я слишком долго смотрела на эту маленькую кучку вещей. Заметила даже тонкий белёсый след на его пальце, когда Павел протянул ко мне руку.

— Лена…

— Вы с пациенткой были во время ужина?

Он опустил руку.

— Что?

— Вы были с ней во время ужина? Нужно уточнить, что она ела и когда стало плохо.

— Да. Но потом я вышел позвонить. Мне сказали…

— Когда вы вышли, жалобы уже были?

— Нет. Она нормально себя чувствовала. Лена, давай мы сейчас…

— Какие-то лекарства принимала при вас?

— Не знаю. Нет, кажется, нет.

Я уточнила время и еду. Он отвечал сбивчиво, всё пытался поймать мой взгляд. Рассказывал о соусе, который принесли отдельно, о том, что сам его не пробовал. Я записывала то, что могло понадобиться принимающим врачам. Не записывала, что у него были расстёгнуты две верхние пуговицы. Или что в этом номере стояла одна большая кровать.

— Лена, посмотри на меня.

Я посмотрела.

Седина у виска, которую он называл серебром. Маленький шрам под подбородком. Я знала, откуда он взялся. Знала, на какой стороне кровати Павел спал, когда у него ныла спина. Знала, что он оставлял ночник включённым в незнакомых местах, хотя надо мной смеялся за то же самое.

Ночник у кровати горел.

— Не здесь, — сказал он тише.

— Я ничего у тебя не спрашиваю.

Кира отвернула голову к окну. Её дыхание всё ещё было слышно через маску. Я заставила себя посмотреть на неё, а не на Павла.

— Кира, мы сейчас переложим вас. Сами не вставайте.

Она вернула взгляд.

— Вы должны знать…

— Сейчас вы должны поехать в больницу.

— Он не просто…

— Кира, — резко произнёс Павел.

Она дёрнула подбородком. На её лице появилось выражение, которое я уже видела несколько минут назад: злость от того, что не получалось договорить.

— Мы вместе, — выговорила она.

Ирина поправила манжету у неё на руке. Я стояла с паспортом и смотрела на фотографию в нём. С фотографии на меня глядела здоровая женщина, чуть приподнявшая подбородок. Я провела большим пальцем по обложке и закрыла паспорт.

— Документы я положу в сумку. Она поедет с вами.

Кира ждала. Павел тоже.

Я не знала, чего именно они хотели от меня в ту минуту. Наверное, разного. Но для обоих моё молчание оказалось неудобным.

— Лена, ты же понимаешь…

— Отойди от прохода.

Я сказала это без нажима, обычным рабочим голосом. Павел не сразу двинулся. Он привык, что после такой интонации я начинала объяснять: устала, спешу, потом поговорим. А я просто ждала, пока он уберёт ногу, мешавшую выкатить носилки.

Он отступил.

Мы с Ириной приготовили всё для перекладывания. Я потянулась проверить катетер и вдруг вспомнила, где лежало моё кольцо. Перед сменой я сняла его, как всегда, убрала в сумочку к ключам. Дома надевала обратно. Каждый раз, девятнадцать лет.

Я придержала край простыни, пока Ирина проверяла крепления.

— Ира, готова?

— Да.

Мы позвали водителя на помощь и переложили Киру. Она испугалась движения, вцепилась в край простыни. Я остановилась, дала ей время, проверила дыхание и показатели. Павел стоял возле стены, не зная, куда деть руки.

— Я могу…

— Возьми пакет с вещами, — сказала я.

Он взял. Послушно, почти торопливо. Это было так на него не похоже, что я на секунду почувствовала стыд. Старый, привычный: поставила человека в неловкое положение, сказала при постороннем слишком сухо.

Я прикусила щёку изнутри.

Носилки уже стояли в проходе. Ирина следила за оборудованием, водитель придерживал дверь. Я шла со стороны Киры. Она потянула руку ко мне, но остановилась, не дотронувшись.

— Мне страшно, — сказала она.

В этой фразе не осталось ни нажима, ни попытки что-то мне сообщить.

Я наклонилась, чтобы она не старалась говорить громче.

— Мы продолжаем следить за вашим состоянием. Я буду рядом в машине.

— А это может опять…

— Поэтому и едем. Сейчас стало лучше, но наблюдение необходимо.

Она кивнула и закрыла глаза. На переносице остался красный след от маски.

Я ослабила крепление там, где оно давило.

В коридоре пахло чистящим средством. За одной из дверей работал телевизор — тихо, с редкими взрывами смеха. Администратор стояла у лифта, удерживая кнопку открывания. Она смотрела на носилки, на нас, на Павла, и я видела, как ей хочется задать вопрос.

— Всё подготовлено? — спросила я.

— Да. Внизу открыли. Машина у выхода.

— Спасибо.

Павел шёл следом с пакетом. В нём шуршала куртка Киры. Из кармана виднелась узкая перчатка, и он всё пытался затолкнуть её поглубже. Очень нужное занятие для человека, у которого внезапно кончились подходящие слова.

В лифте он встал напротив меня. Я смотрела на цифры над дверью.

— Я поеду за вами, — сказал он.

Я не стала отвечать. Кира открыла глаза. Спросила у Ирины про сумку, получила короткое «здесь» и снова затихла.

На первом этаже было холоднее. Сквозь открытую дверь тянуло мокрыми листьями. Охранник отодвинул в сторону тяжёлый коврик, чтобы колёса прошли свободно.

У машины Павел сунул пакет водителю и вдруг оказался рядом со мной.

— Лена. Две минуты. Отойдём.

Он взял меня за локоть. Не больно — так он всегда останавливал меня в гостях, когда хотел сказать что-то своё, незаметное для остальных. Я помнила это движение лучше, чем собственную подпись.

Я посмотрела на его руку.

— Отпусти.

Павел разжал пальцы. Из открытой двери машины Ирина следила за нами. Кира уже лежала внутри, под одеялом, и ждала, когда я поднимусь к ней.

— Нам надо поговорить наедине, — сказал муж.

Я поставила ногу на ступеньку и взялась за поручень.

— Сейчас я на работе.

Глава 2. Три минуты тишины

Дверь захлопнулась, отрезав Павла на полуслове. Я села возле носилок и только тогда поняла, что до сих пор держала в руке ручку. Колпачок куда-то пропал.

Ирина протянула его мне, ничего не говоря.

Машина тронулась. Кира лежала с закрытыми глазами, но стоило мне поправить край одеяла, как она посмотрела на меня.

— Мы давно вместе.

Я поставила ручку в карман.

— Этот разговор сейчас не нужен.

— Вы думаете, я…

— Я думаю о вашем состоянии. Остальное подождёт.

Она отвела взгляд. Мне хотелось, чтобы в этой машине существовал другой врач, которому можно передать пациентку и уйти. Но другого врача не было. Была я, Ирина, дорога и женщина, которая ещё недавно цеплялась за мой рукав.

Я связалась с принимающей стороной, сообщила необходимое. Привычные вопросы помогали: на них у меня имелись ответы. В отличие от вопроса, как муж оказался в чужом номере и почему первой его заботой было отвести меня в сторону.

Кира снова пошевелилась.

— Телефон.

— Он в вашей сумке. Позвонить кому-то?

— Нет. Просто чтобы не потерялся.

Ирина показала ей сумку, лежавшую на закреплённом сиденье. Кира успокоилась.

Я записала время. Буквы получились мельче обычного. В графе с фамилией пациентки остановилась, хотя уже всё знала.

— Лен, — тихо сказала Ирина.

Я подняла голову.

— Поворот сейчас будет. Придержись.

Она не напоминала мне о работе. Просто видела, что я села неудобно и при следующем движении машины ударюсь плечом. Я взялась за поручень.

На тёмном стекле отражалось моё лицо. Жёлтый свет делал его чужим и старше. Захотелось убрать отражение ладонью. Я повернулась к Кире.

— Дышать не тяжелее?

Она покачала головой.

— Хорошо. Если что-то изменится, сразу скажите.

— Вы злитесь.

— Да.

Это вырвалось раньше, чем я успела подобрать безопасный ответ. Кира замерла. Я встретила её взгляд.

— Помощь вы получите полностью. В этом можете не сомневаться.

Она смотрела ещё несколько секунд, потом кивнула. Кажется, именно это ей и требовалось услышать. Мне было неприятно, что она боялась меня. Ещё неприятнее — что теперь мне приходилось её успокаивать.

У стационара я пошла рядом с носилками. Свет в приёмном отделении оказался слишком белым после гостиничных ламп. Дежурная медсестра задала обычный вопрос; я ответила. Принимающему врачу передала сведения, дождалась, пока он уточнит последние детали. Кира уехала дальше по коридору, и только тогда я смогла отпустить край носилок.

— Подпись здесь, — сказала сестра.

Я подписала.

— Ручку заберите. А то у нас тут естественный отбор: выживают только привязанные.

— Эта уже научилась возвращаться, — ответила я.

Она улыбнулась и занялась своим делом. В её мире прошла обычная ночная передача пациентки. Мне хотелось постоять рядом с ней ещё немного.

Павла в коридоре не было. Чтобы добраться сюда, ему сначала пришлось бы вернуться в номер, переобуться, забрать ключи. Я поймала себя на том, что по привычке составляла для него удобный маршрут, и сердито застегнула карман.

На улице Ирина протянула мне влажную салфетку.

— У тебя чернила на щеке.

Я потёрла не с той стороны. Она показала пальцем.

— Здесь. Ещё. Всё.

— Спасибо.

— Руки вымой, когда вернёмся. Ты ручку так сжимала, что я боялась за её потомство.

Я фыркнула. Смех вышел коротким и каким-то больным. Ирина не стала его продолжать.

На подстанции она первой зашла в комнату отдыха, сняла со стола чью-то папку и поставила передо мной стакан воды.

— Пей.

— Не хочу.

— Я не меню предлагаю.

Я взяла стакан. Вода пахла пластиком кулера. Выпила половину и обнаружила, что действительно хотела пить.

На соседнем стуле лежал мой термос. Старый, с поцарапанной крышкой. Я утром налила в него чай, положила два пакетика сахара отдельно, потому что опять собиралась сократить сладкое. К вечеру один пакетик исчез, второй отсырел в кармане.

Ирина села напротив.

— Тебе сейчас чего надо?

Я посмотрела на неё с подозрением.

— Только не говори «побыть сильной».

— Я собиралась предложить бутерброд, но могу и испортить настроение.

— Три минуты тишины.

Она кивнула и отвернулась к окну.

Я допила воду. Из коридора доносились шаги, кто-то искал зарядку для служебного телефона, в маленьком холодильнике дребезжала полка. Всё было на своих местах. Даже куртка Ирины висела на том же гвозде, который постоянно вылезал из стены.

Я уставилась на этот гвоздь и наконец заплакала.

Тихо, без всхлипов. Просто не сумела удержать слёзы. Они стекали по подбородку, капали на край воротника, и я злилась, потому что не могла остановить эту дурацкую течь.

Ирина подвинула коробку салфеток. Не обняла, не сказала ничего о Павле. Я была ей благодарна за такую точность сильнее, чем за любые слова.

— Я же тебе его знакомить приводила, — сказала я зачем-то.

— Помню.

— Он тогда принёс торт. Ты ещё сказала, что человек, который покупает торт без орехов, уточнив у всех аллергию, далеко пойдёт.

Ирина чуть опустила голову.

— Далеко ходить я ему действительно предсказывала. Направление не уточняла.

Я засмеялась сквозь слёзы и высморкалась.

— Не рассказывай никому.

— Не буду.

— Вообще ничего.

— Лена. Я услышала.

Она поднялась и взяла оставшиеся бланки.

— Это я разберу. Ты свои записи проверь и посиди. Если совсем плохо — говорим старшему, ищем замену. Самоотверженность сегодня уже выполнила норму.

Я хотела возразить, но посмотрела на свою руку. Она больше не дрожала.

— Мне надо немного времени.

— Оно у тебя сейчас есть.

Остаток смены не исчез. Были документы, проверка укладки, ещё один вызов, на который мы поехали уже под утро. Я работала, отвечала, записывала. Ни одному человеку не сообщила, какая у меня ночь. У каждого хватало своей.

Когда сдала дежурство, телефон показал одиннадцать пропущенных.

Все от Павла.

В раздевалке пахло мокрой тканью и дешёвым яблочным освежителем. Я достала сумочку, нашла ключи. Кольцо зацепилось за металлическое колечко брелока. Пришлось разъединять их двумя пальцами.

Я положила обручальное кольцо во внутренний карман и застегнула молнию.

Ирина задержала меня у выхода.

— Сама за руль сядешь?

— Да.

Она посмотрела внимательно, без мягкости.

— До дома доедешь?

Я проверила себя почти так же, как проверяла уставшего коллегу: не торопилась ли, могла ли спокойно ответить. Мне было тяжело, но голова оставалась ясной.

— Доеду. Если почувствую, что не могу, остановлюсь.

— Напиши потом одно слово.

— Какое?

— Любое приличное. Я пойму, что доехала.

На парковке я долго не могла найти машину. Стояла ровно там, где оставила её вчера. Просто вчера это была машина женщины, собиравшейся после смены заехать за хлебом.

Я села, закрыла дверь и прочитала сообщения до того, как запустила двигатель.

«Возьми трубку».

«Киру приняли, всё нормально».

«Не надо никому звонить».

И последнее: «Без сцен. Дома объясню».

Я перечитала его дважды. Дома объяснит. Как будто я неправильно поняла начисление за электричество, а он уже позвонил в управляющую компанию и разобрался.

Телефон снова зазвонил. Я положила его экраном вниз.

У первого светофора поймала себя на том, что прикидывала, есть ли дома яйца. Павел любил омлет. После моей смены он часто говорил: «Раз уж ты всё равно на кухне, сделай и мне».

Я почти услышала эту фразу и с такой силой сжала руль, что заболели пальцы.

Нет. Сегодня я не собиралась делать ему омлет.

На следующей остановке купила только хлеб и маленькую упаковку молока. Продавщица спросила, нужен ли пакет. Я ответила слишком резко, сразу смягчила голос и добавила: «Спасибо, не надо». Женщина ничего не заметила — или сделала вид.

В машине пахло тёплой коркой. Я отломила кусочек и вспомнила другой хлеб: Павел принёс его из пекарни вечером, когда мы получили деньги за мамину квартиру. Тогда он поста-

вил на кухне бумажный пакет, обнял меня сзади и сказал, что теперь у нас наконец получится настоящее общее дело.

Я помнила его щетину у своего виска. Помнила, как он устало смеялся: целый день мотался по будущим помещениям, одно оказалось с низкими потолками, другое — с такими соседями, что не выдержала бы ни одна медицинская лицензия.

Я тогда сказала:

— Только не торопись.

Он ответил:

— Мы вместе решим.

Я доела хлеб. Сухая корка царапала нёбо.

Дома в прихожей стояли его ботинки.

Павел уже вернулся. Вышел из кухни, вытирая руки полотенцем, и это оказалось хуже, чем если бы встретил меня у двери с букетом. Он вёл себя дома. В нашем доме. На нём была футболка, которую я купила весной, выбрав из трёх одинаковых ту, что не тянула в плечах.

— Ты долго, — сказал он.

Я посмотрела на него.

— У меня смена.

— Я понимаю. Садись. Кофе сделать?

На столе стояла его чашка. В ней оставалось полкружка кофе, на блюдце лежала ложка. Ни собранного чемодана, ни признака катастрофы. Он успел принять душ.

— Не надо.

— Лена, нам необходимо спокойно поговорить.

Я сняла куртку. Не попала рукавом на крючок. Со второй попытки повесила.

— Завтра.

— Не затягивай. Всё равно придётся.

Я поставила хлеб на тумбу, потому что продолжала держать его под мышкой.

— Паша, я хочу спать.

— Ты думаешь, мне легко? Я всю ночь…

Он остановился. Я ждала. Не потому, что хотела услышать продолжение. Просто у меня больше не было сил помогать ему заканчивать неудачные фразы.

— Давай хотя бы договоримся, что без истерик, — сказал он.

— Мы договоримся завтра.

Я прошла в ванную. Закрыла дверь, пустила воду. Пока она нагревалась, смотрела на две зубные щётки в стакане. Его щётка недавно сломалась, и я купила новую — точно такую же, потому что Павел раздражался от незнакомой жёсткости.

Теперь надо было лечь и уснуть рядом с этим человеком.

Я выключила воду, вышла и достала из шкафа запасную подушку.

— Ты серьёзно? — спросил он из кухни.

— Очень.

В маленькой комнате стоял диван, который мы покупали для гостей. За всё время на нём спали дважды, а теперь мне пришлось вытаскивать из-под него коробку с гирляндами, чтобы разложить.

Павел заглянул в дверь.

— Я могу уйти в кабинет.

— Останься где хочешь. Я здесь.

— Лена, ты сейчас наделаешь выводов.

Я подняла голову.

— Уйди, пожалуйста.

Он отступил, но дверь оставил открытой. Я встала и закрыла её сама.

Отправила Ирине: «Дома».

Она ответила почти сразу: «Прилично. Горжусь выдержкой».

Я улыбнулась, положила телефон и попыталась снять носки. Один никак не стягивался с пятки. Эта мелкая помеха чуть снова не довела меня до слёз. Я села на пол, сняла оба, потом забралась под одеяло.

Телефон коротко завибрировал.

Павел писал из соседней комнаты.

«У меня есть предложение, которое устроит нас обоих».

Я перевернула телефон и закрыла глаза.

Глава 3. Деловое предложение мужу

Утром Павел выдвинул для меня стул.

Я остановилась у кухонного стола, посмотрела на его руку на спинке и взяла другой. Вышло мелочно. Зато он наконец убрал с лица выражение человека, который заранее простил мне будущую грубость.

— Кофе? — спросил он.

— Я сделаю сама.

— Лена, не надо превращать всё в войну.

Я насыпала кофе в фильтр. Рука не дрожала. После сна я чувствовала себя странно: тело отдохнуло, а голова ещё пыталась поселить вчерашнюю ночь в привычную жизнь и не находила для неё места.

Павел сидел в чистой рубашке. На пальце снова было кольцо. Значит, забрал из номера. Часы тоже вернулись, и ремешок лежал на запястье ровно, без перекоса.

— Я понимаю, как это выглядело, — начал он.

Я повернулась.

— Как?

— Ты прекрасно знаешь.

— Тогда пропусти эту часть.

Он потёр ладонью стол. Там не было крошек. Павел всегда делал так, когда хотел начать неприятный разговор без неприятного начала.

— Мы давно живём каждый сам по себе. Ты на работе, я на работе. Когда ты приходишь, тебе нужно спать. Когда я прихожу, ты уезжаешь.

— Вчера ты тоже был на работе?

— Вот об этом я и говорю. Если ты начнёшь цепляться к каждому слову…

Кофе закапал в стеклянную колбу. Я стояла и смотрела, как набирается тёмная лужица. Дать ему закончить оказалось труднее, чем слушать пациента, убеждённого, что с ним всё в порядке.

— Ты хочешь сказать, что у тебя роман из-за моего графика?

— Я хочу сказать, что мы оба несчастны.

— За меня не надо.

Он откинулся на стуле.

— Ты была счастлива?

Я взяла чашку за ручку и только потом поняла, что она пустая.

— Я думала, что мы устаём. Что у нас такой период. Что люди, которые девятнадцать лет вместе, могут не разговаривать каждый вечер до трёх ночи и при этом оставаться семьёй.

Он помолчал. На несколько секунд передо мной оказался прежний Павел — тот, с которым можно было говорить без подстраховки. Я почти потянулась к этой возможности.

— Я тоже так думал, — сказал он. — Но нельзя бесконечно жить по инерции.

— Сколько?

— Что сколько?

— У тебя с ней.

Он посмотрел на часы.

— Это ничего не изменит.

— Тогда ответить нетрудно.

— Не хочу сейчас обсуждать подробности.

Я налила кофе. Села. Между нами стояла тарелка с сыром; Павел придвинул её ко мне, и мне пришлось сцепить пальцы, чтобы не оттолкнуть.

— Её зовут Кира, — сказал он наконец.

— Я умею читать паспорт.

Он поморщился.

— Не надо так.

— Как тебе удобно? Чтобы я сама подсказала слова?

— Я тебе не враг, Лена.

— Тогда перестань объяснять мне, что я чувствовала в собственном браке.

Тут он впервые замолчал надолго. Из окна тянуло прохладой, у соседей сверху что-то покатилось по полу. Я услышала, как Павел выдохнул через нос.

— Хорошо. Я виноват. Это ты хотела услышать?

Мне стало так пусто, что я поставила чашку, не отпив.

— Нет. Я хотела, чтобы мне не пришлось узнавать это на вызове.

Он потянулся за телефоном, но передумал.

— Нам надо решить, как жить дальше.

— Тебе надо было решить раньше.

— Сейчас мы можем развестись нормально. Не таскать по судам нашу жизнь. Без взаимного унижения. Ты взрослый человек, я взрослый человек.

— Я заметила.

— Ирония не поможет.

Я всё-таки отпила кофе. Он был слишком крепким. Обычно я делала две чашки, и вторая половина воды доставалась Павлу. Сегодня машинально насыпала столько же.

— Разводиться будем, — сказала я.

Он поднял глаза. Кажется, ждал более длинной дороги к этой фразе.

— Я рад, что ты понимаешь.

— Не радуйся так быстро. Что было в твоём предложении?

Павел выпрямился.

— Не сегодня в деталях. Надо спокойно всё посчитать. Я помогу тебе с первым временем. Не оставлю в сложной ситуации.

— Поможешь?

— Да. У тебя работа. Я понимаю, доход не такой большой, как хотелось бы. Мы найдём разумный вариант.

Я посмотрела на кухню. На дорогой духовой шкаф, в котором он дважды пёк мясо и после этого рассказывал гостям, что любит готовить. На стол, который мы выбирали вместе. На ровный ряд шкафов.

— А с квартирой что?

— Это тоже обсудим.

— И с центром.

Его лицо изменилось совсем немного. Он перестал держать ладони открытыми.

— Центр здесь ни при чём.

— Почему?

— Потому что это бизнес. Не надо смешивать.

— Мы открывали его, когда были женаты.

— Я его открывал. Я искал помещения, договаривался, собирал команду. Ты сама говорила, что не хочешь уходить со скорой.

— Я и сейчас не хочу. Это не значит, что моих денег не было.

— Опять начинается.

— Что начинается, Паша?

Он отвёл глаза, словно уступал мне из вежливости.

— Квартира твоей мамы. Да. Ты обязательно будешь вспоминать её при каждом разговоре?

Я взяла ложку и положила обратно. К металлическому звону примешался стук в ушах.

— Я продала её для нашего дела. Ты сказал, что мы оформим моё участие, когда запустимся.

— Мы были семьёй. В семье не выставляют друг другу счета.

— А теперь уже можно сказать, что всё твоё?

— Лена, там всё на меня оформлено. Это не секрет. Ты знала с самого начала.

— Я знала, что доверяю мужу.

— Не надо делать из меня мошенника.

Я не произносила этого слова. Он сам принёс его к столу и оставил между чашками.

— Тогда объясни, как ты предлагаешь учесть мои вложения.

— Это были семейные деньги.

— Минуту назад центр был твоим.

Он поднялся. Подошёл к окну, прикрыл створку, хотя я не жаловалась на холод.

— Ты сейчас не готова разговаривать. Тебе хочется наказать меня, и ты ищешь, чем.

— Я спросила о деньгах.

— Ты спросила так, будто я девятнадцать лет сидел у тебя на шее.

— Нет. Ты много работал. Я это помню. А ты помнишь, с чего начинали?

Он обернулся. На лице было настоящее раздражение. Не от стыда, не от боли — от того, что я не шла туда, куда он меня вёл.

— Я ничего не забыл. Но сейчас у центра расходы, зарплаты, обязательства. Ты видишь красивый фасад и думаешь, что там мешки денег.

— Я ни разу не сказала про мешки.

— Потому что не понимаешь, как это устроено.

Я положила ладонь на стол, почувствовала под пальцами царапину. Её оставили ещё при переезде. Павел тогда обещал вызвать реставратора, потом мы привыкли.

— Значит, я разберусь.

Он усмехнулся, но тут же убрал усмешку.

— Конечно. Если тебе хочется тратить время и деньги на чужие обещания.

— На твои я уже потратила.

Я встала, отнесла чашку в раковину. Руки хотелось занять хоть чем-то. Я начала споласкивать её, потом остановилась. Кофе оставался почти полный. Вылила.

— Разговор закончен? — спросил Павел.

— На сегодня — да.

— Давай договоримся, что ты пока не будешь ездить в центр.

— Я туда и не собиралась.

— И звонить сотрудникам. Людям не надо участвовать в наших проблемах.

— Тогда не привлекай их сам.

Он взял телефон.

— У меня совещание. Вернусь вечером. Подумай спокойно. Я всё равно хочу решить это по-хорошему.

Дверь за ним закрылась. Я постояла у раковины, потом вернулась к столу и доела сыр прямо с тарелки. Удивилась собственному голоду. Оказалось, организм не собирался ждать, когда в моей жизни установится порядок.

В спальне ничего не изменилось. На Павловой стороне кровати лежала книга с заложенной банковской квитанцией. Он редко читал больше десяти страниц за вечер, но всегда говорил, что бумажные книги помогают ему отключаться от работы.

Я открыла свой шкаф.

Если уходить, что брать? Мысль оказалась неожиданно практической и потому немного успокоила. Паспорт. Документы. Лекарства. Одежду. Не надо было сегодня решать, кому достанется ковёр. В конце концов, ковёр ни в чём не виноват, хотя цвет я с самого начала считала ошибкой.

Я нашла маленькую папку с личными документами, проверила банковскую карту. Посмотрела остаток на своём счёте. Деньги были. Зарплата была. Машина внизу тоже никуда не исчезла.

Мне не грозило завтра оказаться на вокзале с пакетом. А страшно было так, будто именно это и происходило.

Я села на край кровати, прижав папку к коленям.

Павел сказал: «Я помогу тебе».

Это звучало особенно щедро на фоне его намерения оставить себе всё, что мы привыкли называть нашим.

Телефон зазвонил. Ирина.

— Живая?

— Злая.

— Уже полезнее. Поела?

— Сыр. Ненавижу его теперь.

— Сыр-то за что?

— Он лежал рядом.

Она помолчала.

— Что-нибудь подписывала?

— Нет. А почему ты сразу про это?

— Потому что моя сестра однажды подписала «чистую формальность», а потом три года ходила с видом человека, который лично изобрёл эту формальность. Ты лучше сначала с юристом.

Я посмотрела на папку.

— Да. Наверное.

— Не «наверное». Контакт дам, если надо. А пока выйди из дома хоть на полчаса. В магазин, погулять, ко мне. Только не сиди весь день возле его тапочек.

— У него там целая коллекция.

— Тем более. Не выдержишь конкуренции.

Я вышла за хлебом, хотя хлеб уже был. Купила яблоки. Зашла в маленькую парикмахерскую у дома и записалась на обычную стрижку на следующую неделю. Администратор предложила «кардинально сменить образ». Я отказалась. Слишком дорого обходились мне в эти дни кардинальные перемены.

Домой вернулась к вечеру. Павел был на кухне, говорил по телефону. Увидев меня, закончил разговор быстрее, чем собирался.

— Я заказал ужин.

— Я поела.

— Мы что, теперь даже есть вместе не можем?

Я сняла обувь и прошла в маленькую комнату. Вчерашнее одеяло всё ещё лежало на диване. Мне понравилось, что здесь оставили хоть что-то в покое.

Павел встал в дверях.

— Я предлагаю нам начать с чистого листа. Каждому отдельно. Это не значит, что мы должны стать чужими.

Я сложила шарф и положила на подлокотник.

— Мы разводимся, Паша.

— Я знаю. Но можно сохранить уважение.

— Сохрани.

Он пропустил это мимо ушей.

— С общими знакомыми пока не обсуждай. Всё равно начнут додумывать. Лучше скажем вместе, когда определимся.

Я повернулась к нему.

— Я не собираюсь устраивать рассылку. Но согласовывать с тобой, что говорить о своей жизни, не буду.

— О нашей жизни.

— Вот здесь ты уже опоздал.

Он посмотрел на диван. На мою подушку. На папку, лежавшую у сумки.

— Ты всё-таки решила воевать.

— Я решила ничего не подписывать, пока не пойму, что подписываю.

— Ты мне не доверяешь?

Я даже не нашлась, что ответить. Подняла голову и посмотрела на него так, что он отвёл взгляд первым.

— Сам решать за нас больше не будешь, — сказала я.

Павел долго молчал. Потом аккуратно поправил рукав.

— Никто не заставит меня делить то, что я создал.

Он ушёл в кабинет. Я закрыла дверь своей комнаты и впервые подумала не о том, как вернуть вчерашнюю жизнь, а о том, где лежит коричневая папка с маминими документами.

Глава 4. Квартира, которой больше нет

Коричневая папка оказалась под инструкцией к посудомоечной машине.

Я достала её с верхней полки и села прямо на пол. В шкафу пахло картоном и старой бумагой. Когда мы переезжали, Павел хотел выбросить половину этого архива: «Всё же теперь в интернете». Я тогда не стала спорить, просто перевезла коробку сама.

Из папки выпал белый конверт. На нём маминым почерком было написано: «Квитанции, оплачено». Внутри лежали счета за квартиру, которой давно владели чужие люди.

Я провела пальцем по букве «ч». Мама всегда писала её слишком большой, и в детстве я думала, что она специально делает мне подсказки для прописей.

Телефон завибрировал на кровати. Я не стала вставать.

Свидетельство о наследстве нашлось быстро. Договор продажи — за ним, в прозрачном файле. Я помнила день подписания: душное помещение, женщина-покупательница с красными серьгами, Павел, который принёс мне воду и спросил, не передумала ли я.

Тогда он действительно спросил. Не торопил, не тянул ручку к моей руке. Это делало воспоминание хуже. Нельзя было сказать, что меня вынудили. Я сама решила помочь нам.

В договоре стояла сумма: шесть миллионов восемьсот тысяч рублей.

Я прочитала её вслух. На пустую комнату голос прозвучал нелепо.

— Да, мам. Именно столько.

Мне тут же стало стыдно за этот разговор с бумагой. Я убрала конверт с квитанциями отдельно. Он не имел отношения к будущему спору. Его не надо было никому показывать.

На кухне сварила себе яйцо, нарезала хлеб. Заставила себя съесть, пока не остыло. Потом принесла ноутбук и расчистила половину стола.

Павел позвонил, когда я включала его.

— Ты дома?

— Да.

— Там курьер приедет. Прими, пожалуйста.

Я посмотрела на экран. Он, видимо, тоже не видел ничего странного в том, чтобы между разговорами о разводе поручать мне посылки.

— Во сколько?

— Не знаю. В течение дня. Я номер твой оставил.

— Паша, я не собиралась весь день сидеть дома.

— Но ты же дома.

Я закрыла глаза, открыла.

— Позвони курьеру и договорись сам.

— Это пакет документов. Не холодильник.

— Тогда тем более справишься.

В трубке стало тихо.

— Я не понимаю, зачем делать проблему из пустяка.

— Я тоже. Поэтому просто поменяй номер.

Я закончила разговор. Сердце стучало часто, будто я отказала ему в чём-то огромном. Отложила телефон подальше и открыла свой банк.

В приложении не было удобной кнопки «верните восемь лет жизни». Там вообще не было нужного периода в привычном списке. Пришлось искать архив, читать подсказки, связываться с поддержкой. Девушка в чате просила уточнить старый счёт. Я нашла его номер в распечатке и неожиданно обрадовалась собственному упрямству: хоть что-то из моей привычки хранить бумажки приносило пользу.

Первая сумма нашлась в сохранённом подтверждении. Два миллиона пятьсот тысяч. Потом миллион восемьсот. Последний перевод — миллион триста.

Я сложила их на калькуляторе, хотя могла и без него.

Пять миллионов шестьсот тысяч.

Не все деньги от квартиры. Миллион двести мы оставили на жизнь и запас. Я помнила, как Павел похвалил меня за осторожность. Назвал своим финансовым директором. Я тогда засмеялась: директор из меня получался такой, что новую кофеварку покупала после трёх вечеров сравнения цен.

Теперь оказалось, что кофеварку я выбирала дольше, чем условия передачи большей части наследства.

Я встала и открыла окно. На дворе сосед грузил в багажник детский велосипед. Ребёнок стоял рядом и беззвучно для меня спорил. Обычный день, когда люди ещё могли поссориться из-за велосипеда.

Захотелось позвонить Павлу и спросить, как ему спалось все эти годы. Я даже взяла телефон. Увидела на экране свой запрос банковских документов и положила обратно.

Вместо звонка сделала копию договора продажи. Принтер зажевал угол. Пришлось открыть крышку, достать лист, начать снова. Я ругалась на него вполне искренне и от этого понемногу приходила в себя.

К обеду на столе лежали три стопки. Что уже было. Что нужно запросить. И всё остальное, которое я пока не могла заставить себя разобрать.

Последняя оказалась самой большой.

В ней нашлись поздравительная открытка от Павла, старые фотографии помещений и лист с моими записями. Я когда-то считала, сколько комплектов формы понадобится администраторам. Мы спорили о цвете: он хотел белый, я говорила, что люди не обязаны весь день бояться собственного кофе.

Я помнила эти разговоры. Они были нашими. Не могла же я их выдумать.

Ирина прислала номер адвоката и короткое: «Наталья Серова. Сестре помогала. Не волшебница, зато без цирка».

Я набрала сообщение и долго смотрела на обращение «Здравствуйте». С него начиналось признание, что в моей семье теперь нужен посторонний человек, которому придётся объяснять, почему я восемь лет назад не попросила мужа подписать бумагу.

Наталья ответила через сорок минут. Предложила время через три дня и спросила, какие документы у меня есть.

Я написала список. Потом добавила: «Есть ещё переписка, но надо найти».

Она ответила: «Не удаляйте ничего, даже если кажется неважным. И пока ничего не подписывайте».

Я усмехнулась. Похоже, это было первое заклинание всех людей, которые знали о разводах больше моего.

Старый телефон лежал в ящике с проводами. Зарядка к нему нашлась только после того, как я вывалила на пол всё содержимое. Там оказались два пульта от техники, которой у нас уже не было, и три переходника неизвестного назначения.

— Весь семейный прогресс, — сказала я пустой комнате.

Телефон не включался. Я воткнула зарядку и ушла мыть посуду, чтобы не смотреть, как медленно наполняется значок батарейки.

Когда вернулась, он запросил код.

Я вспомнила не сразу. Потом пальцы сами набрали старую комбинацию. Экран открылся, и на меня посмотрела фотография, которую я не видела несколько лет: мы с Павлом в машине, я смеюсь, потому что он снял меня прежде, чем я успела убрать волосы с лица.

Я не стала менять заставку. Не сегодня.

Часть разговоров сохранилась. Пришлось долго листать, искать по словам, открывать вложения, половина которых уже не загружалась. В одном сообщении Павел спрашивал, где лежит печать. В другом — купить ли мне апельсины. Между ними находилась моя жизнь, и вытаскивать из неё только полезные строчки оказалось трудно.

«Второй платёж ушёл. Проверь».

Ответ: «Пришло. Спасибо, родная. Закроем ремонт и начнём дышать».

Я читала дальше.

«Паш, а с моим оформлением когда?»

«После запуска. Сейчас столько бюрократии, давай не разбрасываться. Потом оформим твоё участие нормально».

Я поставила телефон на стол.

Вот оно. Я не придумала. Спрашивала. Помнила.

Несколько минут мне было почти хорошо. Потом я снова прочитала слово «потом» и поняла, что никакой бумаги из него не выросло.

Я сохранила то, что могла, сделала отдельные копии и записала даты. Не стала обрезать сообщения до одной красивой фразы: Наталья просила ничего не удалять. Пусть видит и апельсины, и ремонт, и то, как я через неделю спрашивала про вывеску вместо своего участия.

К вечеру пришла первая часть ответа из банка. Остальное требовало дополнительного запроса. Я выписала, чего не хватало, и с удивлением заметила, что мне уже не хотелось бросить всё в мусорное ведро.

Это были мои деньги. Мой выбор. И моя ошибка с оформлением. Но ошибка не делала меня человеком, которого можно просто убрать из рассказа.

В прихожей повернулся ключ.

Я собрала бумаги в папку. Не прятала — просто не хотела, чтобы Павел разглядывал их с порога.

Он вошёл с пакетом продуктов.

— Курьера перенёс, — сказал он.

— Хорошо.

Он заметил ноутбук, старый телефон на зарядке, открытый шкаф в спальне. Поставил пакет на стол, медленно достал молоко.

— Архив разбираешь?

— Да.

— Помочь?

Я не удержалась от короткой улыбки.

— Уже помог.

Он выпрямился.

— Я думал, ты остынешь.

— Я тоже думала, что у нас много чего будет.

Павел сжал ручки пакета, потом отпустил. Достал яблоки, хотя я купила их вчера. Положил в вазу поверх моих.

— Лена, ты понимаешь, что эти старые переводы не доказывают того, что тебе хочется?

Я посмотрела на него. Про переводы я ещё ничего не сказала.

— А чего мне хочется?

— Не цепляйся. Я вижу бумаги.

— Они лежат в закрытой папке.

Он повёл плечом.

— Мы оба знаем, что ты там ищешь. Не трать нервы зря.

— Это я тоже выясню сама.

Я взяла папку, прошла в свою комнату. Дверь закрыла спокойно, хотя хотелось хлопнуть так, чтобы яблоки осыпались на пол.

Наталья позвонила, когда я убирала старый телефон в сумку.

— Елена, у меня освободилось несколько минут. Уточню по вашему сообщению. Деньги перечисляли на счёт общества или на личный счёт мужа?

— Мужа.

— Договор займа был?

— Нет.

— Документ о приобретении доли?

— Нет. Он обещал потом оформить. В переписке есть.

Она не стала ни охать, ни говорить, какая я доверчивая. Спросила, когда создали общество, и попросила принести документы на нашу нынешнюю квартиру.

— А деньги можно вернуть? — спросила я.

На том конце не ответили сразу.

— Я не обещаю результата до чтения документов. Важно, что у вас есть подтверждение происхождения средств. Но раз переводили на счёт мужа, просто забрать назад не выйдет.

Я прижала папку к боку.

— Значит, будем разбираться.

— Именно, — сказала Наталья. — Для этого и встретимся.

Глава 5. Чужой хирург

Борис Ларин открыл дверь и сразу сообщил, что скорая ему не нужна.

При этом правой рукой он держался за бок, а левой — за дверной косяк. За спиной у него стояла соседка в тапочках с ушами.

— Не слушайте, — сказала она. — Он минуту назад до двери не мог дойти.

— Я мог. Ты мешала.

— Потому что ты на полу лежал!

— Коллеги, — сказала я, входя. — Давайте по очереди. Сначала вы, Борис…

— Николаевич.

— Борис Николаевич. Что случилось?

Он посмотрел на соседку с укором.

— Полку снимал. В ванной. Табурет подвёл.

Ванная находилась прямо напротив входа. Табурет лежал на боку, на полу валялись шурупы. Полка победила: всё ещё висела на одном креплении.

— И куда упали?

— Сюда.

Он показал бок и попытался выпрямиться. Лицо у него посерело.

Я подставила руку.

— Не торопитесь. Сейчас присядем.

— Не надо меня укладывать. Я уже належался.

— Тогда начнём с дивана. Он хоть устойчивый?

Борис Николаевич покосился на табурет.

— Всю жизнь стоял.

— Я не про прошлые заслуги.

Он всё-таки усмехнулся и позволил провести себя в комнату. Ирина осталась с ним, я попросила соседку показать лекарства. Она принесла коробку из-под печенья, в которой лежали блистеры, старые назначения и батарейки.

— Это тоже его, — сказала она, выбирая батарейки. — Чтобы не потерялись.

Мы разобрались с тем, что он принимал, и вернулись к нему. Борис Николаевич отвечал неохотно, но перестал спорить, когда понял, что мы не собираемся читать лекцию о вреде табуретов. Он упал не просто на пол — ударился боком о край ванны. И среди его лекарств было то, о чём принимающему врачу следовало знать сразу.

— Нужно поехать в больницу, — сказала я.

Он упрямо посмотрел на окно.

— У меня дома дела.

— Какие именно?

— Обычные.

Я ждала. Он посмотрел на соседку, потом на меня.

— Ключ у неё есть. Только она всё переставляет.

— Боря!

— У меня чай в правом шкафу, а она ставит в левый. Я потом найти не могу.

Соседка всплеснула руками. Я попросила её пока ничего не переставлять и вернулась к нему.

— Запишем, что вы просите сохранить расположение чая. Но ехать всё равно надо.

— Сильно плохо?

Вопрос прозвучал тише всех предыдущих.

— Надо проверить травму. Здесь мы не можем сделать всё необходимое. Я не хочу пропустить то, что потом станет хуже.

Он опустил глаза на свои тапочки. Долго молчал.

— Брюки нормальные достаньте. Я в этих не поеду.

Пока соседка искала одежду, мы подготовили его к перевозке. Она помогла собрать вещи, заперла квартиру и трижды повторила, что чай останется там, где был. Борис Николаевич наконец перестал держаться так, будто всем мешал самим фактом своей боли.

По дороге я не думала о Павле почти двадцать минут. Обнаружила это, когда мы подъезжали к стационару, и почувствовала облегчение, за которое сразу стало неловко. Пациент не обязан был отвлекать меня от моей жизни. Но работа возвращала мне способность делать хоть что-то без мучительных сомнений.

В приёмном отделении было людно. Мужчина в куртке спорил с медсестрой о бахилах, женщина у стены прижимала к груди чужие документы. Борис Николаевич приподнял голову.

— Я здесь надолго?

— Сейчас вас осмотрят.

— Это вы дипломатично сказали.

— Я сегодня стараюсь.

Хирург появился из бокового коридора. Высокий, с коротко подстриженными волосами и лицом человека, которому уже несколько раз не ответили на простой вопрос. Он быстро подошёл, посмотрел на пациента, потом на меня.

— Когда упал?

Я начала передавать сведения.

— Время падения точное? — перебил он.

— Со слов пациента и соседки. Она услышала удар, пришла сразу.

— Почему не раньше привезли?

Я почувствовала, как напряглись плечи. Все пять дней я только и делала, что слушала вопросы, внутри которых уже лежало обвинение.

— Потому что раньше нас не вызывали, — ответила я. — Если дадите закончить, расскажу, что выяснили.

Он поднял глаза. Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

— Заканчивайте.

Я закончила. Место удара, изменение самочувствия, лекарства, важная деталь о том, как пациент пытался оценить время падения. Хирург слушал уже иначе. Не мягче — внимательнее.

Борис Николаевич вмешался:

— Вы на неё не ругайтесь. Она меня ещё уговорила.

— Я не ругаюсь, — сказал хирург.

— Тогда голос у вас такой.

Я отвернулась к документам, чтобы не улыбнуться у него на глазах.

Пациента приняли, нам задали ещё несколько вопросов. Я проверила, что вещи остались с ним, и вышла в коридор. Ирина ждала у стены.

— Дыши, — сказала она.

— Я дышу.

— Видела. У тебя даже уши участвовали.

Я ослабила воротник. Раздражение ещё держалось, но уже не было таким острым. Хирург задавал вопросы по делу. Мне не понравилась манера. Это было поправимо и не имело отношения к моему браку — полезное различие, которое я едва не потеряла.

— Доктор, минуту.

Я обернулась. Хирург шёл к нам с листом в руке.

— Уточните, пожалуйста, здесь. Запись не разобрал.

Я подошла. Он держал бумагу так, чтобы мы оба могли её читать.

— Это название препарата. Коробка у него в сумке, соседка положила.

— Понял. Спасибо, что выяснили.

Я подняла голову.

— Это входило в программу визита.

Уголок его рта чуть сдвинулся.

— Тем не менее. И про край ванны — важная деталь. Он мне уже рассказывал, что просто поскользнулся на ровном месте.

— Табурет он пока бережёт. У них долгая история.

Хирург улыбнулся по-настоящему. Ненадолго, но лицо изменилось так сильно, что я неожиданно заметила и усталость вокруг глаз, и седину в коротких волосах.

— Андрей Белов, — сказал он.

— Елена Миронова.

— Я видел фамилию. Просто представиться не успел.

— У вас был насыщенный вход.

— Да. Голос такой.

Я рассмеялась. Не громко, не из вежливости. Он не стал добавлять шутку, чтобы закрепить успех. Убрал лист и посмотрел в сторону отделения.

— Спасибо за передачу, Елена.

— Берегите его. Он ещё полку не победил.

— Сначала разберёмся с тем, что победило его.

Он ушёл. Я смотрела вслед ровно столько, сколько требовалось, чтобы убедиться: плечи он держал прямо даже после длинного дежурства. Потом поймала взгляд Ирины.

— Что?

— Ничего. Пойдём, пока у нас следующая полка не созрела.

В машине я достала телефон. Пропущенных от Павла не было. Он прислал сообщение о том, что в пятницу хочет встретиться вне дома. «Так будет спокойнее». Я не ответила сразу.

— У тебя когда выходной? — спросила Ирина.

— Завтра.

— Полный?

— После консультации — да.

— Тогда не бери дополнительную смену.

Я посмотрела на неё.

— Откуда ты знаешь, что мне предлагали?

— Потому что тебе предлагают всегда. И ты обычно начинаешь: «Ну, если совсем некому…»

Я сунула телефон в карман.

— Дома сидеть не хочется.

— Я понимаю. Но без сна ты всё равно далеко не уйдёшь.

— Спала я.

— По два часа. Потом читаешь старую переписку. Потом опять два. Это не сон, это рекламные паузы.

Я прикусила губу, чтобы не огрызнуться. Она была права. Вчера ночью я действительно вернулась к сообщениям, которые уже сохранила. Искала там не доказательства, а момент, когда могла бы всё понять заранее.

Не нашла. Только стало хуже.

— Давай я узнаю про обмен, — сказала Ирина. — Не чтобы ты работала больше. Чтобы у тебя был один нормальный день без разрывов.

— У тебя своих дел хватает.

— Поэтому я и предлагаю конкретное. Не переезд ко мне с пианино.

— Пианино у меня нет.

— Уже легче.

Я посмотрела в окно. Мимо проплывали гаражи, шиномонтаж, магазин с огромным пластиковым батоном над входом. Город был некрасивым в этом месте и удивительно родным.

— Узнай, пожалуйста, — сказала я.

Ирина кивнула, будто мы обсуждали список закупок.

После смены я не стала проверять, прочитал ли Павел мой ответ. Написала, что встречу подтвержу позже. Купила нормальную еду, вернулась домой и убрала телефон подальше от подушки.

Но перед тем как лечь, записала в маленьком блокноте: «Белов. Хирург».

Не номер телефона. Не повод для фантазий. Фамилию врача, которому можно было при случае задать рабочий вопрос о переданном пациенте.

И всё-таки, закрывая блокнот, я вспомнила его улыбку. Оказалось, лицо незнакомого мужчины могло занять в моей голове место, которое хотя бы на минуту не принадлежало Павлу.

Глава 6. Не всё делится пополам

— Вам воды или чаю? — спросила Наталья.

Я уже приготовилась к вопросу о договоре и на секунду растерялась.

— Воды.

Она поставила передо мной стакан, убрала с края стола игрушечного динозавра и открыла папку.

— Сын решил, что он охраняет документы. Пока охраняет от клиентов. Проходите, садитесь удобно.

Наталья выглядела моложе, чем я представляла по голосу. Простая тёмная кофта, волосы собраны, на пальце след от ручки. Ни внушительного стола размером с семейную квартиру, ни дипломов, обещавших победу над всем населением города.

— Расскажите, чего вы хотите, — сказала она.

Я положила ладонь на папку.

— Вернуть свои деньги.

— А если точнее?

— Я продала квартиру матери. Большую часть денег отдала мужу на медицинский центр. Теперь мы разводимся, а он говорит, что всё его.

Она не перебивала. Я рассказала про продажу, переводы, обещание, которое годами оставалось обещанием. Про нынешнюю квартиру. Про то, что Павел предлагает «помочь», но ни одной суммы пока не назвал.

Причину развода обозначила коротко. Наталья не попросила подробностей, и я впервые за эти дни не почувствовала, что должна доказывать право быть злой.

— Давайте начнём с того, что точно знаем, — сказала она.

Вытащила договор продажи, банковские бумаги, мои распечатки. Я следила за её лицом и никак не могла понять, хорошо всё или плохо.

— Деньги от наследственной квартиры изначально ваши личные. С происхождением здесь понятно. Дальше начинается отдельный вопрос: на каких условиях вы передали их мужу и во что они превратились.

— В ремонт, оборудование, аренду. Я же видела.

— Видели — важно. Документы, связывающие конкретные платежи с расходами, есть?

Я покачала головой.

— Часть он мне показывал. Мы вместе выбирали. Но я не собирала его бухгалтерию.

— И не должны были её выдумывать сейчас. Запишем, что есть, чего нет. В переписке он обещает оформить ваше участие. Это полезно. Но само по себе не делает вас участницей общества.

Я сжала стакан.

— То есть он прав?

Наталья подняла глаза.

— В чём именно?

— Что я ничего не получу.

— Этого я не говорила. И вам не советую помогать ему делать такие выводы.

Я поставила стакан слишком громко.

— Простите.

— Всё нормально. Смотрите. Есть ваши личные средства и спор о судьбе этих средств. А есть имущественная стоимость доли в обществе, созданном в браке. Это связанные, но разные вопросы. Нам нужно выстроить требования так, чтобы не пообещать вам одни и те же деньги дважды.

— Я не хочу дважды.

— Я понимаю. Но сейчас вам хочется одного простого ответа. Он может дорого обойтись, если окажется неправильным.

Я откинулась на спинку стула. Динозавр смотрел на меня со шкафа с выражением полного доверия к мироустройству. Захотелось поменяться с ним обязанностями.

— Я врач, — сказала я. — И сама не люблю, когда мне говорят: дайте что-нибудь, чтобы точно прошло.

— А приходите к адвокату и хотите именно это.

— Очень неприятно вы меня поняли.

Наталья улыбнулась и подвинула ко мне лист.

— Общество когда зарегистрировано?

— В девятнадцатом году. Деньги переводила в восемнадцатом, за четыре месяца.

— Муж единственный участник?

— Да.

— Квартира, где живёте сейчас, куплена в браке?

— Да. Ипотеки уже нет. Никаких залогов, насколько знаю.

— Проверим. Чья машина?

Мы прошли по имуществу. Я несколько раз начинала говорить «наверное, это неважно», и Наталья каждый раз просила не решать за неё. Записывала коротко, задавала точные вопросы. Впервые выяснялось, что общий быт состоял из большого количества решений, которые мне казались слишком мелкими для памяти.

— Я не хочу разбирать каждую вилку, — сказала я.

— И не будем. Но если вы начнёте отказываться от значимого имущества, чтобы не выглядеть мелочной, муж вряд ли сам вас остановит.

Я промолчала. Она попала слишком точно.

— Про квартиру он сказал «потом обсудим».

— Значит, пока ничего не решили. Не отдавайте в голове то, что ещё даже не обсуждалось.

Наталья составила список документов. Не длинный настолько, чтобы я сдалась, но и не удобный. Выписки, основания покупки жилья, сведения об обществе, переписка целиком, возможные подтверждения назначения денег.

— К счетам центра у вас доступа нет?

— Нет.

— Пароли мужа искать не нужно. Нам нужны законно полученные документы. Общедоступные сведения я посмотрю, остальное — по ситуации. При споре часть материалов можно будет просить через суд. Это не значит, что завтра нам принесут все папки.

— Я поняла.

— И стоимость бизнеса пока не называем. По красивой вывеске её не считают. Там могут быть активы, обязательства, расходы. Нам нужна оценка, а не число, которое приятнее звучит.

Я достала распечатку старого сообщения.

— Но вот здесь он пишет «наше». И «твоё участие».

Она перечитала.

— Это оставляем. В контексте, с датами. Мы не выбрасываем полезное только потому, что оно не волшебное.

Я вдруг почувствовала, что могу нормально вдохнуть.

— Я думала, вы скажете, что я сама виновата.

Наталья сняла колпачок с ручки и снова надела.

— Ваша задача была доверять мужу в той мере, в какой вы считали возможным. Моя сейчас — разобраться с последствиями. Оценка вашей доверчивости в договор не входит.

Я рассмеялась, потом почему-то захотела заплакать. Выпила воду.

Мы обсудили стоимость её работы и ближайшие действия. Сумма неприятно кольнула, но не показалась невозможной. Я спросила, что могу делать сама, чтобы не оплачивать лишнее. Наталья спокойно объяснила. Мне понравилось, что её это не обидело.

— Ещё вопрос, — сказала я уже у двери. — Если я уйду из квартиры, это будет значить, что я отказалась?

— Сам переезд не означает отказа от имущественных прав. Но прежде чем снимать жильё, посчитайте расходы. И ничего не подписывайте под видом подтверждения выезда, не показав мне.

— Он ещё не выгонял.

— Я и не предлагаю ждать, пока выгонит. Решение о том, где вам жить сейчас, ваше. Просто не смешивайте его с разделом собственности.

На улице оказалось светло. Я простояла на ступенях, пропуская людей, и поняла, что почти час не проверяла телефон.

Павел прислал два сообщения. Первое — про пятничную встречу. Второе: «Давай без советчиков. Они зарабатывают на чужих конфликтах».

Я набрала: «А ты собираешься заработать на моей привычке молчать?»

Посмотрела на фразу. Очень хорошая фраза, острая. Ему бы не понравилась. Мне стало бы легче минуты на полторы.

Я стёрла её.

Написала: «По имуществу прошу общаться письменно. Предложение пришли, я изучу».

Он позвонил сразу. Я не взяла трубку.

Рядом с остановкой продавали цветы. Не праздничные букеты, а несколько простых горшков, выставленных на низкую скамейку. Я остановилась возле маленького растения с кривыми листьями.

— Неприхотливое, — сказала продавщица.

— Все так говорят.

— Это могу подтвердить. У меня такое на кухне живёт. Пережило ремонт и зятя.

Я улыбнулась, но покупать не стала. Пока даже не знала, на какой подоконник его поставить. Впервые мысль об отдельной квартире показалась не угрозой, а задачей, у которой могли быть решения.

Дома я переоделась и поехала на подстанцию: во второй половине дня начиналась заранее согласованная смена. Между консультацией и работой оставалось время поесть и немного отдохнуть. Я не взяла предложенное дополнительное дежурство на следующий день, хотя пальцы сами набрали в ответе «если совсем…».

Ирина увидела меня у шкафчиков.

— Ну?

— Не волшебница.

— Я предупреждала.

— Но динозавр у неё хороший.

— Значит, всё серьёзно.

Она посмотрела на меня и больше ничего не спросила. Я переоделась, убрала папку в закрытый шкафчик. Рабочую сумку взяла другой рукой, чтобы не перепутать.

Под вечер старшая коллега попросила помочь с разбором оборудования для новой бригады. Я объяснила, где что искать, проверила, всё ли на месте. Молодой фельдшер внимательно слушал, задавал вопросы, потом признался, что боялся выглядеть глупо.

— На проверке выглядеть глупо разрешается, — сказала я. — На вызове искать лучше уже знакомое.

Он кивнул и пошёл разбирать дальше.

— Хорошо, что ты здесь, — сказала коллега. — С тобой можно не гадать, сделано или только обещано.

Я на секунду замерла, потом ответила, что просто люблю порядок в сумке. Не получилось принять благодарность без шутки. Но услышала я её полностью.

Я была человеком, которому доверяли. Не только женой Павла, не только источником когда-то переданных денег. Этого никто не мог отменить разговором на кухне.

Во время перерыва пришло сообщение от Натальи: список документов и подтверждение следующего этапа работы. В конце она напомнила: «Предложение мужа сначала покажите. Пока вы не подпишете его бумагу, у нас есть пространство для работы».

Я сохранила сообщение и закрыла переписку. Потом достала свой термос, налила чай и впервые за неделю выпила его ещё тёплым.

Глава 7. Миллион двести за девятнадцать лет

Павел выбрал кафе, где нас знали.

Не настолько близко, чтобы расспрашивать, но достаточно, чтобы официант улыбнулся и сказал: «Как обычно?» Я ответила раньше мужа:

— Только чай.

Павел заказал себе кофе. Подождал, пока нам принесут напитки, и положил на стол папку. Тонкую, серую, совсем новую.

— Я подготовил вариант, — сказал он. — Раз ты хочешь письменно.

— Я просила прислать.

— Хотел объяснить лично. Чтобы ты не читала в отрыве от разговора.

Я открыла папку. На первой странице стояли наши фамилии. Ниже шли длинные предложения, в которых было много согласия и мало того, с чем мне хотелось согласиться.

Сумму я нашла не сразу.

Миллион двести тысяч рублей.

Перечитала цифры. Подняла голову.

— За что?

— Это компенсация. Чтобы ты могла спокойно устроиться и не ждать, пока мы разберёмся со всеми формальностями.

— А дальше?

— Здесь всё написано.

Я снова посмотрела на бумагу. Общие формулировки об отсутствии имущественных претензий. Центр оставался за ним. С квартирой тоже предлагалось согласиться в его пользу. Подробности о том, как это собирались надлежащим образом оформить, выглядели за широкой фразой о взаимных обязательствах особенно туманно.

— Это за всё? — спросила я.

Павел взял чашку.

— Лена, не произноси так. Как будто я покупаю у тебя жизнь.

— Я пока только пытаюсь понять цену предложения.

— Ты получаешь деньги без тяжбы. Без оценок, пошлин, чужих людей, которые будут считать, кто кому что должен. У тебя остаётся машина, твои сбережения, вещи. Это разумно.

— Мои сбережения ты оставляешь мне особенно великодушно.

Он поставил чашку.

— Давай без язвительности.

Я закрыла папку, потом снова открыла. Не хотела, чтобы он решил, будто я даже не прочитала.

— Нашу квартиру ты оценивал?

— Я знаю рынок.

— Тогда почему она вся должна остаться тебе?

— Потому что она мне нужна. У меня кабинет, встречи. Работа рядом. Ты всё равно почти не бываешь дома.

Последнюю фразу он произнёс спокойно. Я бы даже сказала — буднично. У меня вдруг возникло желание попросить официанта принести карандаш и на салфетке посчитать, сколько ночей отсутствия превращают собственность в чужую.

Я отпила чай.

— Если я сейчас уйду на смену, холодильник тоже станет твоим?

Павел откинулся на спинку.

— Вот зачем ты всё доводишь до абсурда?

— Потому что нормального объяснения не услышала.

За соседним столом двое обсуждали отпуск. Женщина показывала на телефоне бассейн, мужчина говорил, что вода наверняка холодная. Я слышала их так отчётливо, словно мы сидели вместе, а Павел находился далеко.

— Я вложила в запуск пять миллионов шестьсот тысяч, — сказала я. — Ты предлагаешь миллион двести и отказ от всего остального. Даже без спора о том, как это квалифицируется, ты сам считаешь это справедливым?

Его глаза чуть сузились.

— Уже квалифицируется? Быстро тебе дали словарь.

— Отвечай на вопрос.

— Те деньги давно работали в семье. Мы жили, ездили отдыхать, покупали вещи. Центр не стоит столько, сколько тебе нарисовали. Там обязательства.

— Мне никто ещё ничего не нарисовал.

— Тогда ты тем более не понимаешь, от чего отказываешься.

Он говорил всё тише. Для постороннего человека мы выглядели парой, обсуждавшей что-то скучное и взрослое. Наверное, именно поэтому он выбрал знакомое кафе. Здесь я не могла повысить голос, не почувствовав себя виноватой перед половиной зала.

— Я заберу проект и покажу адвокату, — сказала я.

— Там нечего смотреть неделями.

— Тогда быстро посмотрит.

— Предложение не бессрочное.

Я сложила листы ровно и убрала папку в сумку.

— Хорошо, что предупредил.

— Лена.

Я посмотрела на него.

— Я правда не хочу, чтобы ты осталась ни с чем. Но если начнёшь затяжной спор, деньги уйдут на юристов. Я умею ждать.

— Я заметила. С моим оформлением ты восемь лет не спешил.

Он сжал губы.

Официант принёс счёт. Павел потянулся к нему, но я положила деньги за чай рядом с блюдцем. Он хотел что-то сказать, потом передумал.

На улице я отправила Наталье фотографии проекта. В голосовом сообщении постаралась не объяснять, какой Павел мерзавец, а коротко изложила, что он говорил. Получилось не с первого раза. Первую запись удалила. Во второй только один раз назвала его предложение издевательством.

Наталья ответила: «Не подписывайте. Прочитаю полностью, разберём отдельно. Формулировка про всё имущество слишком широкая».

Я спрятала телефон и пошла к машине. Через час у меня был просмотр квартиры.

Объявление нашла накануне. Две комнаты не требовались, огромная кухня тоже. Мне хотелось двери, которую можно было закрыть без объяснений. И окна, выходившего не во двор, где я знала все Павловы маршруты.

Хозяйка оказалась примерно моего возраста. Сразу сказала, что сама снимает жильё побольше, потому что сошлась с мужчиной, у которого двое детей.

— Это чтобы вы не думали, что я буду приезжать каждую неделю проверять диван, — объяснила она. — У меня теперь своих диванов достаточно.

Квартира была небольшая, светлая. У окна стоял стол, на кухне — две разные чашки. Обои в прихожей чуть отошли внизу, дверца шкафа закрывалась со стуком.

— Её надо приподнять, — сказала хозяйка и показала.

Я попробовала. Получилось.

— А кран не течёт?

— Нет. Хотите — проверьте всё. Я тоже так делаю.

Я проверила кран, душ, окна, розетки. Посмотрела документы, спокойно задала вопросы о плате и сроке. С удивлением обнаружила, что могу принимать решение без Павла. Не героически, не назло ему. Просто смотреть, подходит ли мне вещь и могу ли я за неё заплатить.

Сумма за месяц и обеспечительный платёж неприятно уменьшали мой запас, но оставались посильными. Я посчитала ещё раз. Работу бросать не собиралась, дополнительных долгов тоже не появлялось.

— Вам подумать? — спросила хозяйка.

Я выглянула в окно. Внизу мужчина учил маленькую собаку не бояться бордюра. Собака обладала твёрдыми убеждениями и пока побеждала.

— Я возьму.

Мы ещё раз прошлись по условиям, описали вещи, подписали договор. Хозяйка выдала ключи и показала, где перекрывать воду. Я записала, потому что именно такие сведения почему-то всегда забывались первыми.

Когда она ушла, я осталась посреди кухни. Тишина была непривычная. В ней не надо было прислушиваться, что делает муж в соседней комнате.

Я поставила чайник, не нашла чай и рассмеялась. Первое самостоятельное чаепитие откладывалось до магазина.

Из общей квартиры я забирала вещи днём. Павел был на работе. Я написала ему заранее: переезжаю временно, права на имущество не обсуждены, ключи от нашего жилья у меня остаются. Формулировка получилась сухой, но Наталья подтвердила, что смысл понятен.

Я взяла одежду, обувь, документы, лекарства, несколько книг. Не смогла оставить мамину чашку и старую форму для пирога. Форму не использовала год, зато прекрасно помнила мамино выражение лица, когда у неё первый раз получился ровный край.

У дверей пришлось остановиться. Сумки казались слишком маленькими для девятнадцати лет.

Я вернулась на кухню и забрала термос.

Ирина подъехала к новому дому уже вечером. Привезла пустую коробку, пакет с чаем и какой-то свёрток.

— Это что?

— Еда. Не задавай лишних вопросов, пока она тёплая.

Мы подняли вещи за два захода. Ирина осмотрела комнату, открыла шкаф и закрыла со стуком.

— Его приподнимать надо, — сказала я.

— Прекрасно. Уже есть человек, за которым надо ухаживать.

— В отличие от некоторых, шкаф хотя бы предупреждает.

Она улыбнулась и поставила чайник.

Мы ели за маленьким столом. Ирина рассказывала про соседку, которая решила печь хлеб на продажу и теперь снабжала подъезд запахом благополучия. Я слушала, задавала вопросы. Мне нравилось, что она не превращала весь вечер в обсуждение моего развода.

Потом я сказала:

— Он предложил миллион двести.

Ирина отложила вилку.

— За что?

— Вот и я спросила.

Она посмотрела на серую папку, лежавшую поверх коробки.

— Ты не подписала.

— Нет.

— Значит, сейчас надо доесть.

Я хотела возмутиться такой последовательности, но посмотрела на её лицо и взяла вилку. Через минуту еда уже не застревала в горле.

Перед уходом Ирина помогла застелить кровать. Вдвоём мы долго не могли попасть одеялом в углы пододеяльника и наконец рассмеялись так громко, что за стеной кто-то постучал.

— Вот, — сказала Ирина шёпотом. — Первый конфликт на новом месте. А ты боялась, что жизнь кончилась.

Я проводила её до лифта. Вернулась, заперла дверь и прислонилась к ней спиной.

Телефон завибрировал. Павел.

«Потом не говори, что я не предлагал по-хорошему».

Я прочитала сообщение и положила телефон на стол. Сняла куртку, приподняла дверцу шкафа и закрыла её тихо. Потом легла в кровать, которую никто не считал слишком большой для меня одной.

Глава 8. Спасибо не за меня

В новой квартире телефон хорошо ловил только возле окна.

Я обнаружила это утром, пытаясь объяснить хозяйке, что не сломала шкаф. Просто хотела уточнить, куда складывать снятую полку, которую нашла за ним.

— Туда и складывайте, — бодро ответила она. — Мы её лет пять туда складываем.

После этого я приподняла дверцу с уважением. У любой конструкции, даже семейной, со временем появлялись места, которые все предпочитали обходить.

На работу я приехала вовремя. По дороге не свернула к общему дому и не проверила, на месте ли Павлова машина. Заметила своё достижение уже у подстанции, когда парковалась, и решила пока никому о нём не рассказывать.

Ирина молча протянула мне яблоко.

— Что отмечаем?

— Ничего. У меня их много. Ты же умеешь брать вещи без повода?

— Учусь.

На первом вызове нас встретила женщина, очень сердитая на мужа. Он занялся домашними делами, когда почувствовал себя плохо, а потом ещё полчаса уверял, что просто устал. Я присела рядом с ним и попросила рассказать всё по порядку.

Жена отвечала за двоих. Муж обижался на её громкость. За их перепалкой приходилось вылавливать нужное и возвращать разговор туда, где от него была польза.

— Я вас обоих услышала, — сказала я наконец. — Сейчас мне нужны ответы мужа. Потом вы добавите.

Женщина замолчала. На удивление надолго.

Мы сделали необходимое, объяснили дальнейшие действия. Пока Ирина собирала вещи, хозяйка принесла ей пакет конфет.

— Нет, спасибо, — сказала Ирина. — Лучше сами поешьте и ему покоя дайте.

— Да разве ему дашь!

Они заговорили опять. Уже тише. Я проверила документы и подумала, что ещё недавно с готовностью узнала бы в этой женщине себя: человек не бережёт здоровье, значит, надо беречь его за двоих. Сейчас я не знала, какой ответ был правильным для их семьи. И это оказалось облегчением — не иметь готового ответа на всё.

В машине телефон завибрировал в кармане. Я вспомнила о нём только после того, как мы тронулись.

Сообщение было от Натальи. Она прислала короткое заключение по проекту Павла: подписывать в таком виде нельзя, на этой неделе они подготовят ответ. Я прочитала, подтвердила и убрала телефон. Не ждала второго сообщения, чтобы начать жить дальше.

К стационару мы попали ближе к середине дня с другим пациентом. Передача прошла без споров. Я уже шла к выходу, когда услышала:

— Елена Миронова?

Андрей Белов стоял у двери служебного коридора с бумажным стаканчиком в руке. На нём была рабочая одежда, поверх — расстёгнутый халат. Вид у стаканчика был такой, что содержимое давно перестало оправдывать ожидания.

— Голос опознала, — сказала я.

Он опустил глаза на стакан и улыбнулся.

— Хотел сказать про Ларина. Вы же передавали его нам.

Я остановилась. Андрей коротко сообщил исход в пределах рабочего разговора. Уточнённые нами обстоятельства пригодились, помощь пациент получил, опасения не оставили без проверки.

Я почувствовала, как отпустило в груди. Не заметила, что всё это время продолжала держать эту историю при себе.

— Спасибо, — сказала я.

— Вам за что?

— Что сказали. А то люди у нас исчезают за дверью, а дальше только если удаётся по работе уточнить.

— Он передавал благодарность бригаде. И уточнил, что полку сняла соседка.

— Тогда у него теперь ещё одна травма. Нравственная.

Андрей тихо рассмеялся.

— Про чай тоже сказал. Я не понял.

— Это закрытая часть истории. Расположение заварки мы защищаем особенно строго.

Я не стала рассказывать лишнего. Он и не спрашивал. Посмотрел на часы и сказал, что у него несколько свободных минут. У нас после завершённой передачи тоже была короткая согласованная остановка, и я направилась к маленькому кафе у больницы. Андрей пошёл рядом — сначала молча, потом придержал дверь.

Внутри продавали кофе, булочки и бутерброды, на которые никто не решался посмотреть слишком внимательно. За стойкой девушка спорила с аппаратом. Аппарат держался уверенно.

— У вас там живой кофе? — спросил Андрей.

— Зависит от ожиданий, — сказала девушка.

— У меня невысокие.

— Тогда будете довольны.

Я взяла чай. Андрей посмотрел на мой заказ с лёгким недоверием.

— Разумно.

— Это не разум. У меня от третьего кофе рука начнёт подписывать за меня.

Мы отошли к узкой стойке у окна. Сидеть не собирались, но я всё-таки поставила сумку на свободный стул. Плечо сразу отозвалось благодарностью.

— Вы всегда так спрашиваете? — сказала я.

— Как?

— Будто ответ уже подвёл.

Андрей посмотрел на меня поверх крышки стакана.

— Бывает. Особенно когда до этого потерял время на неверных сведениях.

— А потом приходит следующий человек и получает авансом.

Он помолчал.

— Справедливо.

Я ждала продолжения. Обычно после этого слова шло «но». Андрей отпил кофе, поморщился и ничего не добавил.

— Вам продали именно обещанное, — сказала я.

— Мне понравилась честность.

— У нас за неё отдельно не берут. Пока.

Он снова улыбнулся. Я разглядела маленькую складку возле левого глаза. Лицо не было красивым в том гладком смысле, который удобно помещается в рекламу. Зато на него хотелось смотреть, когда он слушал.

Я отвела взгляд к окну.

— Вы давно здесь?

— Несколько лет. До этого работал в другой системе.

Он не начал биографию с самого рождения. Я не стала тянуть. Рассказала, что на скорой всё время собиралась задержаться ненадолго, а потом однажды обнаружила, что новые коллеги спрашивают у меня дорогу.

— Почему остались? — спросил он.

Я подумала.

— Мне нравится, что я нужна в конкретный момент. Приехала, разобралась, сделала, что могла.

— А потом отпустила?

Я покрутила стакан.

— Над этим работаю.

Андрей кивнул и сделал глоток кофе. Я вдруг заметила, что мне не нужно защищать свой ответ или придумывать к нему оправдание.

Кафе наполнилось людьми. Нам пришлось подвинуться ближе к окну, пропуская женщину с двумя стаканами и пакетом выпечки. Андрей убрал мой стул с прохода, прежде чем она задела его коленом.

— Может быть, когда-нибудь выпьем нормальный кофе? — спросил он.

Я посмотрела на его руку на спинке стула. В ней не было нажима, но я всё равно напряглась.

— Сегодня не могу.

— Я не обязательно сегодня.

— Андрей, я правда сейчас очень устала. Даже выбирать день не готова.

Он отпустил стул.

— Хорошо.

Я чуть подождала. Он допил свой сомнительный кофе, выбросил стакан и спросил, удобно ли мне будет выйти через ближнюю дверь: у дальней образовалась очередь.

Всё.

У меня уже был готов ответ на уговоры, и я не сразу сообразила, что он не понадобится. От этого стало немного смешно и немного грустно: столько сил уходило на разговоры, которых никто ещё не начинал.

— Спасибо, — сказала я у выхода.

— За кофе не надо. Вы платили сами.

— Я не за кофе.

Он посмотрел чуть внимательнее, но не спросил. Пожелал спокойного остатка смены и вернулся в больницу.

Ирина уже сидела в машине. Увидела мой недопитый чай.

— Опять остыл?

— Да.

— Вы там профессиональный обмен холодными напитками устраивали?

— Примерно.

Она устроилась удобнее, повернула лицо к окну. Никакого допроса. Мне стало тепло от того, сколько раз за последние дни люди помогали мне именно отсутствием лишних вопросов.

Дома я разбирала оставшиеся коробки. В одной нашлась мамина форма для пирога, а рядом — половник, который я не помнила, чтобы собирала. Наверное, зацепила вместе с полотенцами.

Я положила его в ящик. Позвонила хозяйке и спросила разрешения переставить стол к другой стене. Она ответила, что стол мой на время аренды, ставить можно куда угодно, только не в подъезд.

Я подвинула его сама. Потом ещё на полметра. Села проверить, удобно ли падал свет. Оказалось, я предпочитала смотреть на окно сбоку, а не прямо. В общей квартире стол стоял так, как выбрал Павел, потому что у него были встречи по видео.

От этой мелочи стало и хорошо, и горько.

Я не собиралась теперь объявлять каждую чашку символом свободы. Просто хотелось понять, что мне удобно, если никто не объясняет обратное первым.

Вечером я сварила суп на два дня. По привычке взяла большую кастрюлю, потом перелила половину в контейнер. Не стала ругать себя за лишнюю порцию. Поставила в холодильник: завтра после работы будет чем поесть.

Перед сном вспомнила Андреево «хорошо». Не улыбку даже, не плечи. То, как легко он позволил моему отказу остаться отказом.

Я уснула без старого телефона в руках.

А утром, пока искала тапочки, увидела сообщение с неизвестного номера.

«Нам нужно поговорить. Кира».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.